

Е. Н. Бескровная
Днепропетровск

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА И БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ (еврейский след)

Важливу роль в історії літературознавства та його розвитку як науки грає вивчення біографії письменника та його ролі у світовому філософському та історико-літературознавчому процесі. Фактично можна казати про те, що біографія письменника відіграє значну, можна казати, в деяких випадках центральну роль у світовому літературному процесі. Головною біографічною особливістю творчості письменника є вплив на його твори інших авторів, що відображається як на рівні біографії поетів та письменників, так і на рівні безпосередньо їх творів. В даній статті «До проблеми співвідношення світового літературного процесу та біографії письменника» цей фактор розвитку та вдосконалення літератури ми розглядаємо на прикладі творчості єврейсько-іспанського поета XII–XIII ст. Йегуди бен Галеві та поетів ХХ століття Переца Маркіша та Осипа Мандельштама.

Ключові слова: *світовий літературний процес, творчість, Йегуда бен Галеві, цадікізм.*

Важную роль в истории литературоведения и его развития как науки играет изучение биографии писателя и ее роль как в мировом философском, так и в историко-литературном процессе. Фактически можно говорить о том, что биография писателя играет значительную, можно сказать, в некоторых случаях, центральную роль в мировом литературном процессе. Главной биографической особенностью творчества писателей является влияние на их произведение других авторов, что отражается как на уровне биографии поэтов и писателей, так и на уровне непосредственно их произведений. В данной статье этот фактор развития и совершенствования литературы мы рассматриваем на примере творчестве еврейско-испанского поэта XII–XIII вв. Йегуды бен Галеві, Осипа Мандельштама, Переца Маркіша

Ключевые слова: *мировой литературный процесс, творчество, Йегуда бен Галеві, цадикизм.*

An important role in the history of literature studies and its development as a branch of science is played by the study of the writer's biography and its role in both world philosophy and literature-historical processes. It is a fact that the writer's biography plays a considerable – or one may say in some cases a central – role in the world literature process. So, without the writer's biography, there is impossible to study the problem of the literature process as itself while it consists of the following parts: 1. Social and political events of the period of the writer's life. The writer's connections with the epoch and his country. Last years' events influencing the world literature process and respectively the writer's creativity. 2. Literature and socials streams existing at the special period and influencing his creative work. 3. The writer's biography being the reflection of the changes throughout the epoch. The biography is the mirror of the epoch. 4. A piece of literature, its connection to the author's biography and his epoch. The main biographical feature of writers' creative work is the influence of other authors' creativity upon their work which is seen both at the level of poets' and writers' biographies and at the level of their works contagiously. In this paper «To the problem of correlation between the world literature process and the biography of the writer.» the factor of development and

perfection of literature is considered on a sample of creations of a Hebrew-Spanish poet Ieguda ben Galevi (12–13 cent.), and poets Perets Markish, Osip Mandelshtam.

Key words: *world literature process, creative, Ieguda ben Galevi, tsadikism.*

Ведущую роль в истории мирового литературоведения играет изучение мирового литературного процесса и его влияния на становление и совершенствование писателя как литературного художника. Фактически можно говорить о том, что биография писателя играет значительную, можно сказать, в некоторых случаях, центральную роль в мировом литературном процессе. Как писал в XI в. в период расцвета еврейской культуры в Испании еврейско-испанский поэт Шмуэль ха-Нагид:

Вот перо и вот чернила -
Вечный мудрости приют,
Сколько душ погибло тут,
Скольких Слава возносила
За писанья тяжкий труд [11, с. 38].

На сегодняшний день эта проблема представляет огромный интерес для украинских ученых. Именно ей была посвящена научно-практическая конференция «Биография как текст», которая состоялась в сентябре 2014 г. в Черновцах. В задачу нашего исследования входит необходимость рассмотреть биографию как текст на примере классической еврейской литературы XII–XIII ст., а также еврейской литературы XX в. Переца Маркиша и Осипа Манделъштама.

Итак, без биографии писателя не может быть проблемы изучения литературного процесса как такового, состоящего из следующих частей:

1. Общественно-политические события, в период которых жил писатель. Связь писателя с эпохой и его страной. События прошлых лет, повлиявшие на мировой литературный процесс и соответственно на творчество писателя.

2. Литературные и общественные течения, существовавшие в определенный период и оказавшие влияние на творчество писателя.

3. Биография писателя как отражение изменений эпохи.

4. Литературное произведение, его связь с биографией писателя и эпохой, в которую он жил.

Традиция тесной взаимосвязи биографии писателя, каждой ее детали, необходимой для понимания его мировоззрения, появилась еще в древности, когда в XI в., Кордове Иегуда Бен Галеви, считающийся венцом еврейской литературы, создавал свои произведения. Главной особенностью еврейской поэзии Испании, как и всей еврейской поэзии мира, было её стремление к земле Израиля и к её центру Иерусалиму, что являлось фактически общим направлением всей традиции иудаизма, излагаемой в самом начале в Мишне, в молитве «שמע ישראל», где понятие «Внимай, Израиль» становится символом не только любви к Родине, но и основой талмудирования и трансформации Устной Торы. Известный еврейский поэт Иегуда бен Галеви писал по этому поводу:

Я на западе крайнем живу, а сердце моё на Востоке.
Тут мне лучшие яства горьки, там святой моей веры истоки.
Как исполню я здесь в чужом краю, все заветы, обеты, зарок?

Я у мавров плену, а Сион – его гнет, гнет Эдома жестокий!
 Я всю роскошь Испании брошу, если жребий желанный, высокий
 Мои очи сподобит узреть прах священных руин на Востоке! [4, с. 72]

В этих строчках с точки зрения истории и философии иудаизма традиционно отражается стремление народа сохранить свою веру после разрушения Первого Храма в 548 г. до н.э. И когда мы говорим о мировидении, в данном случае Иегуды Бен Галеви, то имеем ввиду не только его биографию, но и историю всего еврейского народа, частью которого является поэт. Свою песнь Сиону Иегуда Галеви начал ещё в молодые годы. Это произошло в девяностых годах XI в. в Испании. На одном из пиршеств кто-то предложил провести увлекательную игру – сочинять стихи. В качестве образца для подражания было выбрано стихотворение Моше Ибн-Эзры «Ночь размышлений». Задача сводилась к тому, чтобы воспроизвести метрический рисунок, рифмы и систему рифмовки оригинала при произвольном содержании. Иначе говоря, участники должны были проявить своё версификаторское мастерство. При подведении итогов учитывалась не только поэтическая техника, но и образная сила стихов, оригинальность и глубина их содержания. Победа на этом конкурсе была присуждена тогда начинающему поэту Иегуде Галеви. По настоянию присутствующих им было отправлено это стихотворение Моше Ибн-Эзре, который тогда жил в Гренаде. Впоследствии пришел ответ, в котором Моше Ибн-Эзра выразил восхищение талантом молодого автора: «Как милый сын мой столь молодой, смог погрузить горы мудрости на свои плечи!» [3, с. 69]. Ибн-Эзра настойчиво предлагал молодому человеку переехать в Гренаду и поселиться у него. Столь лестное предложение было принято с благодарностью. С тех пор началось быстрое восхождение Иегуды Галеви по ступенькам славы, которая спустя полвека затмила славу наставника и покровителя, что, однако, не помешало дружбе двух великих поэтов. Как видим, в этой детали биографии присутствует не только факт из жизни Галеви, но и традиционный факт истории еврейского народа, дающий представление о богатстве еврейской культуры в Испании. И именно этот элемент дает представление о философском подходе к творчеству поэта. Основу его творчества помимо философского трактата «Кузари» составляют сиониды. Сиониды – жанр характерный для еврейской поэзии вообще. Своё начало они берут из гимнов царя Давида. Наиболее широкое распространение сиониды получили в творчестве Иегуды бен Галеви. Наиболее известно его стихотворение «Узники Сиона». Стихотворение начинается с общих рассуждений автора о трудностях жизни в изгнании:

Ты ждешь ли ещё, Сион, вестей от детей твоих,
 Пленённых, рассеянных вдали от полей твоих?
 Из ближних и дальних стран, на всех четырёх ветрах,
 Сион, принимай поклон, привет сыновей твоих! [4, с. 73]

Эти раздумья подводят автора к теме 137 Псалма и образ «арфы» становится главным художественным образом произведения:

Но вижу порою сны: вернуться твои сыны;
 Я б арфою стал тогда и пел на пирах твоих! [4, с. 73]

Свои размышления о судьбе родины он начинает с сюжета, в котором бродит, подобно Аврааму, по святым местам:

Я в сердце ношу Бейтель, Мехнаим и Пениэль,
Где видели ангелов святыя места твои.
В тебе Адонай царит, божественный дух разлит,
И в небо распахнуты золотые врата твои [4, с. 73].

Поэт использует приемы, характерные для Агадического Мидраша и Мишны. Иерусалим в его творчестве постепенно набирает силу и становится Шехиной для всего еврейского народа:

И пусть от тебя вдали, мы – паства твоей земли,
Блуждаем от края в край, но помним края твои,
Как малые дети – мать, колени спешим обнять
И гроздьев груди достичь, ведь мы – сыновья твои [4, с. 80].

В том же произведении поэт, наоборот, подчёркивает превосходство Сиона перед Вавилоном Древней Месопотамии:

Как славен был Вавилон, и властен был Фараон,
Но что была сила их, пред тайною сил твоих?
Здесь Бог помазал царей, и Он избирал князей,
Пророков и пастырей, духовных светил твоих.

Столетия быстры как день, и царства уходят в тень,
Лишь сила твоя – вовек, и вечны венцы твои.
Дух Божий в Сионе жив, и счастливы те мужи,
Кому возвратит Господь дворы и дворцы твои [4, с. 72].

Произведения Иегуды бен Галеви, так же как и других еврейских поэтов эпохи средневековья, посвящены проблемам нравственности. Стихотворение «Среди евреев Севильи» посвящено его покровителю Ибн-Каманиэлю. В нем ставятся проблемы просвещения и необходимость изучения Торы в жизни евреев. Он клеймит невежество и подчёркивает, что только просвещение и честные дела создают высоконравственную личность:

Не верит тот, кто облачён в висон,
Что в гниль и прах он будет превращён.
Судьба, иным свой кубок благ налив,
От них таиться, мне свой лик открыв.
«Чистейший мёд» – они мне говорят.
Отведал я и говорю им: «Яд!»
Кто древом жизни деньги признаёт,
Познанья древо в страхе оплоёт.
Внемли, глухой! Тот муж блажен, чья речь
В твоё тугое ухо может втечь.
Вам мудрость – угля жгучего страшней,
Схватили бы – брильянт нашли бы в ней!
Но не по вас добыча эта, вы
Беззубые со дня рожденья львы.
С какой поклажей справится осёл,
Которому его потник тяжёл!?
Скот пред стеной коленопреклонён,
А пред какой – того не мыслит он.
Клянетесь Богом – лжете вы Ему, –
Клянетесь тем, что вам не по уму.
Сказали Богу: «Отойди!» - ничуть

Его законов не постигнув суть.
 Непостижима для таких людей
 Таинственная цель его путей!.. [4, с. 55]

Этот элемент биографии и творчества поэта Иегуды бен Галеви говорит о страшной борьбе, которая велась в рядах философии иудаизма и о которой Генрих Гретц писал: «История не должна умолчать об этих ужасах; напротив, она должна их описать и наглядно представить, не чтобы внести отраву в души потомков замученных жертв и не чтобы возбудить мстительные чувства, а чтобы вызвать преклонение перед величием народа страдальца и показать как он, подобно своему праотцу, боролся с богами и людьми и остался победителем.

Рука об руку с этим обещанием и порабощением шло духовное разложение. Блестящие листья и цветы великолепного духовного развития упали мало по малу на землю и обнажили грубый, щелистый отвал, обвитый безобразными отростками утрированной и лишённой живого духа набожности, умопомрачительной мистики и всякого рода иных наростков. Иссаяк ценящийся источник мудрых мыслей и глубоко нравственных, песней ослабело радостно бившееся от возвышенного настроения сердце; установились приверженность и забитость духа <...> Правда, в еврействе еще долгое время сохраняются жрецы и деятели науки, но она постепенно принижается до степени простого ремесла. Переводы и толкования уже существующей литературы значительно превышают по количеству самостоятельные произведения. Внешнему позору соответствует внутреннее разложение» [5, т. 8, с. 4–5]. Но сущность Израиля как раз и заключается именно в том, что он, приближенный к науке, стремится раскрыть аггадическую категорию Бога. Поэтому поэт подчёркивает, что только тот, кто наделён человеческими качествами, может быть приближен к Богу:

Единственный нашёлся среди вас,
 Кто мне помог и душу мою спас.
 Посеяв семена его забот,
 Я получил богатый умолот.
 Мне древом жизни длань его была,
 Познания древом – слово и дела.
 С достоинством, как митру Аарон,
 Венец отцовской чести носит он! [4, с. 57]

Иегуда бен Галеви также является автором коротких поучительных четверостиший, в которые вложены мысли, говорящие сами за себя:

В кругу подруг меня красавица спросила:
 «Которая из нас тебя б свела с ума?»
 Сказал я: «Если меч ты у мечты отнимешь,
 Ответ на свой вопрос легко найдёшь сама».

Меня легко избавила рука
 От одного седого волоска.
 И слышу я: «Ты победил пока,
 Но я – один, а ведь за мной – войска!»

Не приглашён, лишь искушён,

Но я к нему не стану лезть,
 Пришёл – не стыдно, ушёл – не видно,
 Хоть сесть, хоть есть – мне все не в честь!

Когда я вижу наглого глупца,
 Что спорит, поучая мудреца,
 Я так хочу напиться, чтоб лишиться
 Рассудка навсегда и до конца! [4, с. 87]

Фактически именно эти четверостишия и служат созданию нового жанра в еврейской литературе хасидизма – жанра притчи. Всю свою жизнь Иегуда Галеви мечтал уехать в Палестину. Это был период, когда она была захвачена крестоносцами и проникновение евреев на её территорию было запрещено настолько, что каралось смертной казнью. Подготовка к переезду и сама поездка по Средиземному морю вызвали новые стихи – «Морские песни». Как считает А. Белов, «...в них в совершенной поэтической форме отражены противоречивые чувства и переживания поэта <...> горечь разлуки с близкими, пламенная вера в осуществление своей мечты. Одно осознание этого делает его счастливым» [3, с. 28]. Поэт выехал из Испании в Египет в возрасте 65 лет (1140 г.). В Александрии его с триумфом приняли в местной еврейской общине. Там он в течение нескольких месяцев был гостем престарелого судьи и врача Аарона Бен Алимани. Впоследствии по приглашению Шмуэля Бен Хананьи он едет в Каир в надежде оттуда попасть в Палестину. Иегуда Галеви скончался в 1141 г., что породило множество легенд о его смерти. Рассказывают, что он был убит сарацином, когда припал к праху Святой Земли и читал свои стихи. Именно этот элемент как раз и отражен в стихотворении М. Светлова (Михаила Шенкмана) «Гренада», в котором поэт обращается к испанской средневековой поэзии, и здесь ощущается песнь Иегуды Галеви:

Но песню иную, о дальней земле,
 Возил мой приятель с собою в седле,
 Он пел, озирая родные края:
 Гренада! Гренада! Гренада, моя! [10, с. 347]

Но тут же М. Светлов обращается и к родной для него Украине:

Скажи мне, Украина, не в этой ли ржи
 Тараса Шевченко папаха лежит... [10, с. 347]

Новая песня для поэта связана и с новой жизнью, которая, по его мнению, должна была наступить также и для еврейского народа:

Новые песни придумала жизнь,
 Не надо ребята о песне тужить
 Не надо, не надо, не надо, друзья!
 Гренада! Гренада! Гренада, моя [10, с. 348].

Фактически в творчестве каждого последующего еврейского поэта пересекаются элементы Агады и Галахи Вавилонского Талмуда и элементы, характерной для него современности. Собственно, это хорошо видно и на примере деталей из биографии О. Мандельштама. Многие его стихотворения посвящены проблематике иудаизма, который тот воспринимает по-своему. Так, агаду Торы о том, как Иаков собирался жениться на Рахили, а вместо этого женился на Лии, поэт воспринимает с точки зрения иудаизма.

Вернись в смесительное лоно,
 Откуда, Лия, ты пришла,
 За то, что солнцу Илиона
 Ты жёлтый сумрак предпочла.
 Иди, никто тебя не тронет,
 На грудь отца в глухую ночь
 Пускай главу свою уронит
 Кровосмесительница-дочь [7, с. 192].

Но главной особенностью произведения является то, что здесь происходит трансформация Торы через притчу Вавилонского Талмуда, трактата «Шабот», в которой говорится:

«Некий иноверец, проходя по задворку школы, услышал голос, читающего из Писания

– И вот одежды, которые должны они сделать: наперсник и ефод, и верхняя риза, и хитон тонкий, кидар и пояс».

– Для кого это? – спросил иноверец.

– Для первосвященника, – ответили ему.

“Пойду, – подумал тот человек – приму иудейскую веру и сделаюсь первосвященником”...

Пришел он к Гилеллю. Обратил его Гилелль и сказал:

– Не венчают человека на царство прежде, чем он не усвоит весь обиход царский.

Начал новообращенный читать Писание. Дочитав до стиха: “А если приблизиться посторонний, смерти предан будет”, – спросил:

– О ком в этих словах говорится?

– О всяком человеке, несвященнического рода, будь это сам Давид, царь израильский, – ответил Гилелль.

И рассудил этот человек так: “Если и про израильтян, прозванных детьми Божьими и Самим Господом любовно именуемых “сын мой, первенец мой Израиль”, – если и про них сказано “посторонний смерти предан будет”, то тем более пришедший с посохом и котомкою человек чужой и ничтожный» (трактат Шаббат, 30–31).

Мандельштам в своем стихотворении, трансформируя притчу, фактически спорит с «Ромео и Джульетой» Шекспира и возвращается от кабалистики средневековья к чистоте хасидеев библейского периода истории еврейского народа, подчеркивая чистоту истоков народной еврейской культуры периода Устной Торы:

Но роковая перемена
 В тебе исполниться должна:
 Ты будешь Лия – не Елена!
 Не потому наречена,
 Что царской крови тяжелее
 Струиться в жилах, чем другой, –
 Нет, ты полюбишь иудея,
 Исчезнешь в нем – и Бог с тобой [7, с. 192].

Поэт особо не останавливается на еврейской тематике, но она возникает в его произведениях как дань прошлому, которое, по его мнению, не может возвратиться. В стихотворении «Возможна ли женщине мертвой хвала» он подчеркивает неразрывную связь женщины с историей еврейского народа. По мнению Осипа Мандельштама, женщина – это связь поколений в галуте, отраженная в еврейской красавице:

И прадеда скрипкой гордился твой род

От шейки ее хорошея,
И ты открывала свой маленький рот
Смеясь, итальянясь, руссея.
И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели [7, с. 335].

С образом женщины соединяется у поэта и образ простого еврея, причем этот элемент как раз и становится во главу угла, когда мы характеризуем хасидизм Польши и Украины:

Жил Александр Герцевич, еврейский музыкант
Он Шуберта наворачивал, как чистый бриллиант
И власть с утра до вечера, заученную всхрусть
Одну сонату вечную твердил он наизусть [6, т. 1, с. 7].

В 1916 г. Мандельштам пишет стихотворение «Эта ночь непоправима»:

Эта ночь непоправима,
И у нас еще светло,
У ворот Ерусалима
Солнце черное взошло [7, с. 169].

Поэт соизмеряет трагедию еврейского народа со своей собственной и пишет:

Солнце желтое страшнее, –
Баю-баюшки-баю, –
В светлом храме иудеи
Хоронили мать мою.

Благодати не имея
И священства лишены,
В светлом храме иудеи
Отпевали прах жены.

И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели –
Черным солнцем осиян [7, с. 169].

«Черным солнцем, осиявшим Мандельштама, как раз и была дисгармония и несовместимость идей Вавилонского Талмуда и погромов революции 1917 г. Но особенно четко этот подход просматривается в творчестве советского еврейского поэта Переца Маркиша. В его творчестве сливаются проблемы библейской истории, талмудического периода истории еврейского народа и философии революции. В своих произведениях о детских годах Перец Маркиш ярко раскрывает картины представления о Боге, которые тогда возникали перед ним:

איך ווייס דו האָסט געקױשט די ביקס אין יענעם טאָג,
וואָס האָט אויף וואָגלאַשן געלייגט פון פּאָלק דאָס לעבן,
און מיט איעדן שאָס, ווי מיט אדונערדיקן גלאָק,
האָסט געבענטש דאָס לאַנד, וואָס האָט זי דיר געגעבן.

האָסט א דערקלערונג מאכן פניערלעך געהאָט
מיט פניער און מיט בלוט דורך אויפשטייג און דורך ווייען –

דו! דער ייד! דער בירגער! דער סאָלדאט!
 דו! דער ייד! דער רויטארמייער!
 געהאָט האָסט א דערקלערונג מאכן מיט דער ביקס,
 אזא וואָס ניט פארוועלקן וועט זי ווי די שטערן
 דו ביסט געווען, וועסט זיין, דו ביסט
 קעגן דער פינצטערניש און קנעכטשאפט דער פארשווערער!

דו האָסט א מאָל פון בערג געבאטן צען דערקלערט,
 אז ס'זאָל מיט זיי דאָס הארץ פון וועלט זיך פיטערן און פעסטן,
 פארפאָלגטע, טראָגן מיר זיי שטאלק איבער דער ערד
 דורך אלע ארבע-מיתות-בית-דין –

אצינד טראָגט זיך דיין דערקלערונג צו דעם קאט
 אזא, וואָס נאָר מיט ביקס אין האנט דערקלערן קאָן מען.
 ס'באוועגט זיך באָרג און טאָל, עס מורמלט גראָז און בלאט,
 און בלוט אויף אלע וועגן שרייט – נקמה!

איך ווייס דו האָסט געקוטש די ביקס אין יענעם טאָג,
 וואָס האָט דיך אויף אויף געשטעלט מיטן באגרעבער,
 און מיט איעדן שאָס, ווי מיט א דונערדיקן גלאָק,
 האָסטו געבענטשט דאָס לאנד, וואָס האָט זי דיר געגעבן.

[12]

(Я знаю оседлать вола в ранние годы,
 Когда связал свой путь со своим народом и с его жизнью,
 И знакомый выстрел пронзил судьбу,
 Что сделает лучше землю, которая зовется моим домом.

И хоть провозглашен путь хасидизма:
 Он светлый, но связан с кровью, путь ветра.
 Путь евреев, Офицеров! Солдат!
 Путь евреев и красноармейцев!

И хотя позвал нас за собой бык,
 Который взывает к звездам,
 Что лучше, кто знает, что лучше,
 Отрицание тьмы или тяжелые силы.

И хоть ты десять раз провозгласил берег,
 Который твое сердце пестовало в себе,
 Поющий, который заставляет плакать слезами о земле
 Наш путь труден и подлежит суду.

Я знаю оседлать вола в ранние годы...
 Этот путь стоит перед моими глазами, пока их не закроет могильщик...
 И знакомый выстрел пронзил судьбу,

Чтобы сделать лучше землю, которая зовется моим домом. – Пер. наш – *Е. Б.*)

Маркиш переживает тяжёлый период: как все евреи, он вынужден скитаться, спасаясь от преследований вне «черты оседлости». Поэт работает конторщиком селе Полонное, но вскоре ему приходится покинуть родное гнездо. Он много путешествует по городам Одесса, Кишинёв, едет в Балту. Начинается первая мировая война, и его призывают в армию:

Нет парней по селам, – словно вихрь умчал их, –

И призвать приказано стариков и малых.
 Почему б не взять Менахема портного?
 Наскоро мешок он сшил себе – готово!
 Хватит нам окопов! Почему под знамя

призвать портного заодно с сынами? [8, с. 13]

Революционные события захватывают Маркиша. В Киеве в то время собралась группа талантливых еврейских поэтов, которых вдохновляли идеи И. Переца и Х. Бялика. Среди них были Лев Квитко и Ошер Шварцман. Идёт пора юношеского цветения поэта. Выходят его книги: «Пороги» (שוועלן) (1919), «Неприкаянный» (פוסט און פאס) (1919), «Шалость» (שטיפעריש) (1919). После революции поэт долгое время живёт в Екатеринославе. Вместе с будущими известными поэтами Михаилом Светловым и Михаилом Голодным он служит в отряде рабочей обороны. В этот период также выходит большое количество книг поэта: «Просто так» (סטאם) (1921), «Ночной грабёж» (נאכט רויב) (1922), «Куча» (די קובע) (1920). Поэма «Куча» вызвала огромный резонанс. Как отмечал Сергей Наровчатов, «Маркиш в ней решительно отошёл от канонов мартирологического возвеличения жертв, их пассивное мученичество возбуждает в нём гнев, он протестует каждой строчкой против безвольной обречённости и покорности судьбе». В этой поэме ортодоксальное еврейство усмотрело «потрясение основ» иудаизма, разрыв с традицией. Вместе с тем мировое революционное движение поддержало поэму. В конце 1921 г. Маркиш едет в Варшаву. За рубежом он находится пять лет, попеременно живя в Варшаве, Берлине, Париже, Лондоне, Риме. В 1926 г. он снова возвращается на родину. В ближайшие 15 лет он пишет следующие произведения: «Из века в век» (דאר אויס, דאר איין) (1933), «Один на один» (איינס אף איינס) (1933), пьесы «Земля» (1930), «Семья Овадис» (1937). Крупнейшим событием становится поэма «Братья» (די ברידער) (1929). Затем выходит в свет поэма «Не унывать» (ניט געדייטע) (1931), «Смерть кулака» (דעם באלאгоפס טויט) (1935), «Заря над Днепром» (אופגאנג אפן דנעפרע) (1937). В период второй мировой войны Маркиш активно борется с фашизмом. В 1940 г. выходит его поэма «Танцовщица из гетто», в которой он раскрывает сущность женщины и её роль в иудаизме. Перец Маркиш ведёт свою героиню от древности к современности. Он раскрывает величие девушки-невесты:

Стремительно блистанье лёгких ног –
 Моя любовь танцует перед вами:
 Встречается с клинком стальной клинок
 И объясняются, сверкая лезвиями.

Бушуют складки платья и фаты,
 Подобно говорливому приборю.
 И буйный ветер, разбросав цветы,
 Зовёт тебя и тянет за собою.

И вот – гора и бездна... Снег какой!
 И на скале отвесной – поединок...
 Не упади! Молю тебя тоской
 Изгнанья, слёз, скитальческих тропинок...

От плеч струится серебристый ток,
 Но что-то недосказано ногами...
 Встречается с клинком стальной клинок
 И объясняются сверкая лезвиями [8, с. 589].

Мучения еврейской женщины приводят поэта к выводу о том, что еврейскому народу нужна защита и этой защитой может служить только Израиль:

Пусти здесь корни. Расцветай весной.
 Забудь своё изгнание и скитание!
 Здесь человеку предана земля,
 Здесь всех целит голубизна сквозная,
 Здесь дружбу предлагают тополя,
 Здесь каждая песчинка – мать родная.

Ночное море отдаёт вином.
 Я предаюсь моим мечтам и думам...
 Нас ждёт здесь, друг мой, детство с миндалём
 И самым сладким на земле изюмом [8, с. 609].

Тема женщины проходит через всю поэзию Переца Маркиша. Как знаток Талмуда, он часто трансформирует Агаду. В произведении «Доброй недели, мать!» говорится о том, как фашисты сожгли на костре женщину и её ребёнка. В этом произведении наблюдается трансформация талмудической притчи из трактата «Гитин 57» и «Эха Раба», в которой Мириам бат Нахтом вынуждена согласиться с принесением в жертву своих сыновей ради того, чтобы сохранить еврейскую веру. Сила матери заключена в том, что она, подобно Аврааму, приносит в жертву сыновей ради идеи иудаизма. В притче, в частности, говорится: «– Дитя моё! Иди к Аврааму, предку твоему, и скажи: Так велела моя мать сказать тебе: “Ты воздвиг один жертвенник, я семь жертвенников воздвигла; ты одним испытанием ограничился, а моё несчастье до конца свершилось”» (12). Перец Маркиш, несмотря на то, что по своим идейным убеждениям был коммунистом, в своих произведениях не отходил от корней своего народа и традиционно обращался к библейскому периоду еврейской истории:

ניין, ניין – ס'איז ניט געווען פון גורל קיין באצוונג,
 אן אויסוואל ס'איז געווען דורככאויס א פרייער,
 דאָס, וואָס צו פֿייער צוגערירט האָט זיך צו ערשט דײַן צונג,
 צו גאַלד – נאכהער, נאָך אין דעם חושך פון מצרים!

צו פֿייער האָט געפֿירט דײַן אומרויקגעמיט
 בנים טראָגן שטיין און זאמד פאר פיראמידן
 אז זאָלסט, אין קייטן זײַענדיק געשמידט
 א שווערד אויף ווידערשפעניקן זיך קענען שמידן.

און ביסט דער פאר געבענטשט געווען מיט דעם,
 וואָס דאָס געשפילן שטיינדל פון דאָס פאסטעך
 האָט, אונטערשניידדיק דעם גליתדיקן דעמב,
 אין דעם באגינען זינגעוודיק אריינגעפאסט זיך.

[12]

(Нет, нет – эта судьба не повториться)

И все друзья будут свободными.
И друзья говорят о первой мечте,
И золото ночью загорается в Египте.

И друзья ведут меня по моему пути
Мимо плачущих камней и замкнутых пирамид.
Скольких из них изобразили на полотне
Чуда возрождения – и его нарисовали

И скольким мы должны быть благодарны,
Которые шествуют вместе с нами и подобны пастухам,
Которые сшивают нашу судьбу
И на рассвете показывают чудо. Пер. наш – E. Б.)

Идея света Хануки и обращения к древности проходит и через следующее стихотворение:

באקלאַגט דער ים זיך דען א מאָל אין זײַן געברום
באדארף א ווינט דען אין זײַן בלאַנדזשעניש א האַפן
ארויסגעריסן פון מײַן האַרץ האָט זיך די דו,
אוועקגעפלויגן, ווי די גינגאַלדענע פאווע...

כ'וועלט אפשר צובינדן באדאקפט זי צו א בוים,
ווי אונדזער ציג מ'האַט צו א ביימל צוגעבודן
נאָר איז די ציג דען ניט אנטלאָפן פון דער היים
און איז די היים ערגעץ אליין דען ניט פארשווונדן.

געווען א ציג... אזא מין צוגעלאַזטע ציג...
האַט איר פארגלוסט זיך ראָזשינקע מיט מאנדלען...
געטאָן האָט עס מיט א מאָל ערגעץ א צי –
האַט עמעץ אַנינהאלטן געקאַנט זי אין דער האנט דען.

פון אליך געבליבן איז מיר בלויז א ליד אליין,
איך זון זיי אלע אין מײַן בלאַנדזשעניש אָן אויפהער
איך גיי זיי נאָך, איך זאָג זיי שפרוכן אלערליי
און כ'קען מיט גאַרנישט זיי צוריק צו זיך פאררופן...

און אין נאָך א טייל פון ליד שרײַבט ער

דער רעש פון חתונות איז ווידער אויף די גאַסן,
פון שימחות דאָס געווען איז אויף דאָס נײַדערוועקט
צעבראכן זײַנען בלויז די פידלען און די קאַנטראבאסן,
געקוילעט זײַנען בלויז די כלי-זמר אויפן וועג.

נאָר דו – דו טאנץ... די פיס געשטעלט, ווי איבער געצן,
דאָס האַרץ מיט ווייטיק אייגענעם - פארטרייב.
און טראָג אים, טראָג, דער טויער פון באזעצנט,
ווי צו דער שחיטה טראָגט דעם האלדז די מילדע טויב.

דער קאָפּ - אראָפּגעלאַזט, די אויג - אויפגעקייטלט,
ס'באגלייטן ווייטע שטערן בײַ דער נאכט
עס זײַנען מאמעס אָט אזוי געגאן צו דער עקירה,
דאָס פניער און דאָס האלדז אליין פאר זיך געבראכט.

איז רייס פון לייב זיך לעבעדיקע פאסן
 און טאנץ, און ווייטע דרעמעלדיקע – וועק,
 צעבראכן זינגען בלויז די פידלען און די קאנטראבאסן,
 געקוילעט זינגען בלויז די כלי-זמר אויפן וועג.
 [12]

Пожаловался народ своим героям.
 Поселился здесь ветер и сверкает над нами.
 Осталось здесь мое сердце
 И сияет как позолоченная пава...

Потом поселилось дерево
 И наш козел решил пристроиться здесь,
 И не идет козел домой,
 Потому что наш дом не является чудом.

Имеем мы козла... или не имеем его
 Хотя это модно при рождении ребенка,
 И хоть мы не раз возвращаемся к козлу,
 И кое-кто даже держал его в руках.

И хотя сложены и блестят стихи
 Для меня солнце начало светить потом,
 И я отправился в путь и продолжал петь Псалмы,
 Которые гармонировали с древностью.

И следующую часть написал он:

И главенствующий на свадьбе повернулся к Богу,
 И радость сразу оживилась в нем.
 Благословил в своем оркестре трубу и контрабас
 И отправился с ними в путь.

Не здесь!... Здесь танец... И все равно это отрицается
 Это сердце знает только одно – плакать.
 И каждый день народа, печаль, которую он видит,
 И казнь держится на руках в постоянной печали.

И голова все отрицает, то, что глаза видят
 И белые звезды показались в ночи,
 И наши мамы заканчивают колыбельную,
 И огонь в их руках нас благословляет.

И жизнь отправилась в свой путь,
 И танцует на дремлющем пути.
 Благословил в своем оркестре трубу и контрабас
 И отправился с ними в путь. – Пер. наш – Е. Б.)

Мы рассмотрели только некоторые примеры, но если обратиться непосредственно ко всему литературному процессу в иудаизме, то можно заметить, что здесь на первый план выходит проблема трансформации Торы, проходящая через восприятие Устной Торы, охватывающая Мишну, Гемару и Вавилонский Талмуд и соотнесенная с историческими событиями,

характерными для еврейского писателя каждой эпохи в отдельности. Эта главная характеристика еврейской литературы и подтверждает мысль мудрецов: «Бремя Израиля – книги».

Библиографические ссылки

1. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. В 4-х частях. Перевод с введением С.Г. Фруга по «Сефер-Гаагаде» И.Х. Равницкого и Х.Н. Бялика. – Одесса, 1910. – Ч. I. – 208 с.
2. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. В 4-х частях. Перевод с введением С.Г. Фруга по «Сефер-Гаагаде» И.Х. Равницкого и Х.Н. Бялика. – Одесса, 1919. – ч. II – 196 с.
3. Галеви И. Еврейская средневековая поэзия в Испании / Иегуда Галеви. – Иерусалим: Библиотека-алия, 1991. – С. 69–92.
4. Галеви И. Сердце мое на востоке / Иегуда Галеви. – Иерусалим: Библиотека-алия, 1990. – 223 с.
5. Гретц Г. История евреев с древнейших времён до настоящего времени. - Одесса: издательство магазина Шермана, 1908, т.1-12
6. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах / О.Э. Мандельштам. – Москва: Арт-бизнес-центр, 1999.
7. Мандельштам О.Э. Избранное / О.Э. Мандельштам. – Смоленск: Русич, 2000. – 448 с.
8. Маркиш П. Стихотворения и поэмы / П. Маркиш. – Л.: Сов. писатель, 1969. – 646 с.
9. Млатек Хана. Перец Маркиш – советский еврейский поэт / Х. Млатек // Форвертс. – 2007. – 27 ноября.
10. Светлов М. Стихотворения и поэмы / М. Светлов. – М.-Л.: Сов. писатель, 1966. – 494 с.
11. Шмуэль ха-Нагид. Еврейская средневековая поэзия в Испании. – Иерусалим: Библиотека-алия, 1991. – С. 21–47.
12. פערעץ מארקיש – דער סאָוועטישער-יידישער פּאָעט. - פּאָרווערטס, 2007, נאוועמבער 27. *Надійшла до редколегії 18 листопада 2014 р.*